

История о каждом из нас

Omuy

Глава 1

ЧАШКА ЧАЯ

Владимир снова забрел в тупик. Снова уперся в нерушимую стену и никак не мог пробить ее своей упрямой головой. Пора было возвращаться назад, до неудачного поворота, и выбирать новую дорогу. И, как всегда, без гарантий.

В это же время на кухне должен был закипеть чайник. Владимир очень хотел выпить нежного белого чая, долгожданную посылку с которым он только вчера забрал на почте, но для этого ему нужно было выйти из Лабиринта.

Он решительно развернулся, быстрым, широким шагом дошел до проклятой развилки и безвольно замер на месте.

Из-за поворота, того самого поворота, через который лежал вождеденный путь на кухню, выглядывала тьма.

Владимир вздрогнул и сделал шаг назад. Как всегда в такие моменты, стало очень страшно и одиноко.

— Я просто хочу чаю! — заорал он, пытаясь громким криком пригасить липкий, кусающий страх. — Хочу чертового чаю!

Тьма сгустилась и неторопливо отступила за угол. Туда, где должен быть единственный выход из Лабиринта. Приглашая крепко подумать, а стоит ли идти именно этим путем?

Владимир выругался и в нерешительности за топтался на месте. Краем разума он понимал, что идти нужно, и понимал, что пройти он, разумеется, сможет. Пройти и сбросить наконец оковы серых стен и низкий, давящий потолок. Сможет наконец выпить чаю и хоть на один вечер забыть про раз за разом догоняющее его безумие.

Но между «знать» и «сделать» лежала огромная, ужасающая пропасть. Эту нехитрую истину он выучил именно здесь, в Лабиринте. В месте, где знания не стоили и усмешки. Где надо было просто идти и угадывать. Ошибаться и угадывать вновь.

— Ну же, не сомневайся!

Владимир резко обернулся и увидел Ведьму. Ту, что доставила ему столько неудобств месяц назад. Ведьма мило улыбалась и медленно облизывала кроваво-красным языком красивые, грешные губы.

— Тебя не спросил! — раздраженно бросил Владимир.

Ведьмы он не боялся, хотя и не любил. Они довольно часто встречались в мрачных проулках Лабиринта, и еще ни разу эта встреча не стала роковой. Впрочем, это был слабый повод для того, чтобы радоваться встрече сегодняшней.

— Хочешь, пойдем вместе? — Ведьма рассмеялась. Игриво, но с ощутимой ноткой звериной жестокости.

— Я хочу чаю, — вновь, словно мантру, повторил Владимир. — Еще хочу, чтобы ты ушла.

— Ну разве не здорово, что мне плевать на то, чего ты хочешь?

Владимир вздохнул. Ведьму было не переспорить. Вначале он еще пытался, но давно уже бросил это бесперспективное занятие. Ведь Ведьма почти всегда была совершенно права. Это была тяжелая и бескомпромиссная правда Лабиринта. Правда, спорить с которой было не слишком умным решением. Ведь, как было верно отмечено, всем, в общем-то, наплевать.

— Здорово, — хмуро заметил Владимир. — Лучше, что? Лучше не бывает!

— Люблю сарказм, — томно промурлыкала Ведьма. — Надо нам с тобой как-нибудь вместе заняться сарказмом. Всю ночь напролет.

— Жду не дождусь.

Ведьма снова рассмеялась, а Владимир отвернулся и с грустью подумал о том, что вода скоро остынет и чайник придется кипятить заново. Он заставил себя глубоко вздохнуть и медленно выдохнуть. Надо было наконец принимать решение. Делать непростой выбор.

Владимир всегда старался оттянуть этот момент, надеясь, что узкие тоннели как-нибудь сами выведут его на легкий вариант. И иногда оно действительно так и случалось. Но не сегодня. Увы, не сегодня.

Сегодня выбор должен быть резкий и злой. После него весь вечер будет болеть голова и постанывать сердце. После него будут сниться кошмарные сны,

а оборачиваться придется в два раза чаще. Но ведь когда-то наступает время и для такого выбора. Особенно в тот момент, когда столь сильно хочется выпить чашку горячего чая.

Владимир до боли сжал кулаки, бешено закричал и бросился за проклятый поворот, готовясь корчиться в муках и рвоте. За секунду до поворота он чуть не передумал, но тут серые плиты сменились белым кафелем, и Владимир оказался на собственной кухне. Судя по круглым настенным часам, прошло не больше семи минут. Вода как раз успела остыть до нужной температуры.

Однако прекрасный, умело заваренный чай, с тонким ароматом и изысканным вкусом, не принес ожидаемого удовольствия. Владимир горько вздохнул и отставил чашку. Стоило признать, что приступы становились все более внезапными, а он вчера опять забыл принять таблетки.

Еще стоило признать, что он постепенно начал смиряться со своим безумием, со своей странной двойной жизнью. Лабиринт все еще оставался для него чужим и безрадостным местом, но уже не пугал так, как раньше. Не заставлял забиваться в черный, сырой угол и дрожать от страха. Не заставлял показывать позорных для мужчины слез.

Владимир часто думал об этом, но так и не мог решить для себя хорошо это или плохо. Хорошо, что приступы переносятся легче, чем раньше? Или плохо, что он начал считать их едва ли не бытовым событием?

«Хорошо», — предположил Владимир, сделал вдумчивый глоток чая и постарался расслабиться.

Постарался подумать о том прекрасном времени, которое он проводит вне Лабиринта. Ведь это практически и есть все время, хотя порой кажется, что и его слишком мало.

«Плохо», — передумал Владимир и резко поставил полчашки чая на стол. Плохо, что его безумие намертво вплетается в его жизнь. И не станет ли скоро вся его жизнь одним сплошным безумием?

«Плевать», — решил Владимир и отправился готовить ужин. Он давно уже привык игнорировать грозные вопросы жизни. Ведь, оставшись без ответа, они вполне могли проигнорировать его самого.

На следующий день Владимир сидел в мягком кресле и смотрел на задумчивый среднерусский пейзаж в простом деревянном багете. Напротив него, за широким, массивным столом сидел маленький человек с ухоженной бородкой и умными, пытливыми глазами. Этот человек был врачом. А точнее — психиатром.

— Как вы себя чувствуете? — врач пристально смотрел на Владимира.

— Нормально, — Владимир пожал плечами. — В общем-то, так же, как и неделю назад.

— Галлюцинации?

— А как же без них?

— Звуковые? Визуальные?

— И те, и другие, — Владимир вздохнул.

— Было что-нибудь особенное? Чего не было раньше?

— Пожалуй, нет.

— Снова лабиринт?

— Всегда Лабиринт.

— Лекарства принимаете регулярно?

— Я стараюсь, — не стал врать Владимир. — Но получается не всегда. И, откровенно говоря, я не уверен, что они помогают.

— Зато я вполне уверен, что они не дают вашей болезни развиваться, — врач укоризненно покачал головой. — Это же очень важно, Володя. В который раз прошу вас не забывать об этом.

— Как скажете, Борис Алексеевич, — Владимир пожал плечами. Он искренне уважал врачебное мнение, но никак не мог избавиться от ощущения, что все эти усилия зря. Ведь, что бы он ни делал, к каким бы ухищрениям ни прибегал, он всегда возвращался в темные, узкие тоннели Лабиринта.

— Как вам удалось выйти? — уже мягче спросил доктор.

— Очень хотел чаю, — невольно улыбнулся Владимир. — Так хотел, что решился на безрассудный поступок.

— И каковы оказались последствия этого поступка?

— Плохой сон, — начал перечислять Владимир, — а перед сном — тревога. В общем, ничего необычного.

— Я так понимаю, что на подобные поступки вы решаетесь не часто?

— Не часто, — согласился Владимир.

— Как вы считаете, возможно было бы увеличить количество подобных решений? Ведь, судя по вашим рассказам, именно такие смелые решения приводят к выходу из лабиринта. Причем почти к мгновенному выходу.

— Но мне не нравятся эти решения, — возразил Владимир. — Мне гораздо комфортней потратить еще какое-то время, но найти более простой и безопасный путь. И не бояться, что утром будет болеть голова.

— Время, проведенное в лабиринте, — строго прервал его врач, — это время вашей болезни. Чем меньше времени ваш разум проводит там, тем лучше.

— Я понял, Борис Алексеевич, — Владимир счел нужным согласиться. — Я постараюсь. Но это, и правда, бывает сложно. Иногда просто невыполнимо. Там все воспринимается совершенно иначе.

— Я помню, Володя. Вы говорили. Но я повторял и повторяю. Огромная задача по исцелению лежит в том числе и на вас. Боюсь, что сегодняшняя психиатрическая наука все еще не способна в полной мере отражать встающие перед ней вызовы.

Владимир печально улыбнулся и понимающе кивнул.

Еще полчаса врач неторопливо расспрашивал Владимира о подробностях последних галлюцинаций, после чего посмотрел на часы и с теплой улыбкой завершил встречу. Владимир попрощался и вышел из кабинета. Это был его двадцать первый визит к кандидату медицинских наук, психиатру Борису Алексеевичу Калинину. Двадцать первый и, разумеется, не последний.

После той страшной аварии прошло больше года. С физическими травмами тело успешно справилось, но вот по части разума все стало совсем не так. Как говорили врачи, скорее всего, в этом была виновата тяжелая недельная кома.

Скорее всего, покорно соглашался Владимир и делал осторожный шаг, не зная, куда этот шаг приведет. К светлым, знакомым порогам или к бездонным колодцам Лабиринта.

Он хорошо помнил, как это было в первый раз. Как привычные стены квартиры пошатнулись, расплылись, и он вдруг оказался в мрачном незнакомом месте. Прекрасно помнил сковавший сердце ужас и застывший в горле крик. Великолепно помнил сокрушительное отчаяние.

В общем, на память Владимир не жаловался. В отличие от всего остального. Но, чтобы не прослыть очередным городским сумасшедшим, адресовал свои жалобы крайне ограниченному кругу лиц. А точнее, только своему лечащему врачу.

— Расскажите поподробней, Володя, — попросил врач, нахмурившись и озабоченно поправляя очки. Это случилось еще в прошлом году.

Владимир в ответ невесело усмехнулся. А потом рассказал.

Самое сложное было понять, что все это неправда. Что все это — кошмарные галлюцинации больного разума, которые скоро закончатся. Или не закончатся? Прекрасный вопрос!

Поворот. Первое, что он сделал, — повернул. Повернул, ожидая, что после этого все и пройдет. Что он снова окажется в своей уютной квартире и засядет за любимую книгу. Снова будет принимать простые решения.

Но за поворотом возникли три новых поворота. И надо было выбирать. И это оказалось по-настоящему страшно. Стоять на перепутье, смотреть

в совершенно одинаковые мрачные коридоры и гадать, какой из них выведет тебя на волю. Мечтать, чтобы хоть один не подвел.

Шаг, другой. Владимир шел, ежеминутно прикрывая глаза и сразу же резко распахивая их, надеясь увидеть хоть немного знакомой реальности. И раз за разом не находя и намека на знакомство.

Время шло, а пейзаж оставался неизменным. Темные, угрюмые тоннели, недобрая тишина и новый безнадежный поворот. Владимир упрямо шагал, повторяя, что сейчас это все закончится. Сейчас! Вот сейчас! Прямо сейчас!

Внезапно на очередном перекрестке от черной стены отделилась не менее черная фигура. Владимир замер, стараясь не поддаваться нахлынувшей панике и не сорваться в бездумный, стремительный бег в неизвестном направлении. Получилось с трудом и только потому, что бег в неизвестном направлении казался большим из зол.

Тем временем фигура подошла ближе, превратившись в высокого, узколицего человека. В больших янтарных глазах мерцал холодный ум, а тонкая улыбка отливала сталью.

— Потерялся?

— Нет! — тут же воскликнул Владимир, почти сразу же осознав, насколько фальшиво это прозвучало.

— Уверен? — улыбка незнакомца увеличилась в три раза. — А то я могу помочь.

Владимир замешкался. Помощь требовалась ему чрезвычайно, но узколицый не показался человеком, которому можно доверять. Он вообще не показался

ему человеком. Скорее, кем-то, кто играл его роль. Играл хорошо, но не скрывая своей игры.

Игра! Владимир уцепился за это слово. Все здесь всего лишь игра, а потому не стоит бояться правил. Не стоит бояться этой стальной улыбки и ярких, как фонари, глаз. Быть может, именно так здесь выглядят самые лучшие друзья? Стоит проверить? В рамках игры, разумеется.

— Просто помочь? — на всякий случай уточнил он.

— Ну конечно! — улыбка узколицего превысила все разумные пределы. — Я тебе, а ты — мне.

— Ясно, — ничего другого Владимир и не ожидал, — но я сегодня немного занят.

— Не сегодня, — незнакомец покачал головой. — Когда мы встретимся в следующий раз.

— В следующий раз? — удивленно переспросил Владимир и дождался утвердительного кивка. — Тогда — по рукам! — Он был уверен, что следующего раза не случится — от слова «никогда». — В следующий раз, чем смогу — помогу!

— Сможешь, — незнакомец хитро прищурился, — обязательно сможешь. А теперь слушай, — перешел он на деловой тон. — Сейчас иди прямо. Через десять минут будет поворот. Не сворачивай. Иди мимо. Иди мимо трех поворотов. А вот в четвертый сверни обязательно. Запомнил? Четвертый!

— Запомнил.

— Там будет выход. Он будет загорожен, но пусть тебя это не смущает. Ты сразу поймешь, что надо делать. Ты точно все запомнил?

— Точно, — кивнул Владимир. — Прямо. Четвертый поворот. Выход. Никакого смущения.

— Хорошо, — незнакомец отступил в черноту, — тогда — до встречи.

— Всех благ, — осторожно попрощался Владимир и чуть ли не бегом устремился по предложенному маршруту.

Он прилежно отсчитал три малоприятных поворота, в которые ни за что бы не свернул и без подсказок сомнительных личностей. Возле четвертого на мгновение замер и с радостным ожиданием шагнул вперед.

За поворотом широкий коридор почти сразу упирался в круглую дверь с узором из геральдической фауны. За этой дверью кончался Лабиринт, и началась нормальная, расчудесная жизнь. И все бы ничего, но, как всегда, был нюанс.

Возле двери, почти полностью загоразивая ее, стоял широкоплечий, закованный в зеленоватую сталь, рыцарь. Рыцаря нужно было убить. Владимир знал это абсолютно точно. Нужно было просто убить рыцаря и выйти из Лабиринта. Непревзойденная логическая взаимосвязь!

Владимир не хотел убивать. Краем сознания он понимал, что не совершит ничего недостойного и уголовно значимого. Но тот же край говорил ему, что убийство рыцаря будет злом в самом банальном его воплощении. В этой связи оставался последний вопрос — достаточно ли во Владимире зла?

«Нет! — тут же ответил он. — Не достаточно. Я — кто угодно, но не убийца! И пускай я об этом буду жалеть».

В тот момент Владимир совершенно не задумывался о том, как именно он может убить огромного, защищенного доспехами рыцаря. Тогда это было не важно. Важно было не убивать, но выйти. Важно было поступить так, как хотел он сам, а не так, как хотел Лабиринт.

Владимир подошел вплотную к рыцарю и печально на него взглянул.

— Пропусти, пожалуйста.

Рыцарь не менее печально посмотрел на Владимира и скорбно покачал железной головой. Он все прекрасно понимал, но ничего не мог с этим поделать. Он стоял здесь с одной целью — не дать Владимиру выйти из Лабиринта. И он желал исполнить свой скорбный долг до конца.

— Я не хочу этого делать, — честно сказал Владимир и выжидательно взглянул в тонкую прорезь забрала. — Может, все-таки есть другое решение?

Рыцарь медленно поднял руку и указал Владимиру за спину. Тот повернулся. Рыцарь показывал на едва заметный пролом в стене. Узкий, но, к сожалению, достаточный для того, чтобы в него пролезть. И это грозило не выходом, но новой бесконечной дорогой.

— Серьезно? — Владимир поморщился. — И это твое решение?

Рыцарь выразительно пожал плечами. Он сделал все, что мог, и не понимал, почему Владимир этого не ценит.

Теперь мяч был на стороне Владимира. И выбор был прост и жесток. Убить и выйти или уйти и потеряться. «Пока могу — не убью», — решил

Владимир и сразу же загрустил. А как тут было не загрустить?

— Давай так, — Владимир вздохнул и повернулся к рыцарю. — Если через час я не выйду, то вернусь. И все будет так, как будет. Договорились?

Рыцарь с неохотой кивнул.

Владимир в последний раз бросил вожделеющий взгляд на заветную дверь и решительно полез в пролом. Лезть пришлось долго. Обдирать руки, биться головой об острый потолок, материться сквозь упрямо стиснутые зубы. Но не жалеть. Ни разу не жалеть об этом тяжелом и не самом умном выборе.

Час еще не истек, когда Владимир в очередной раз неловко дернул головой, заранее сжался, но попал не в камень, а в мягкую подушку своего старого дивана, на котором тут же чуть не разрыдался от облегчения.

А секундой позже Владимир поднялся с дивана и вернулся в сегодняшний день. День, в котором он проснулся, позавтракал и пошел на работу.

В Министерстве было шумно уже с утра. Впрочем, — конец месяца. Отчего же должно быть иначе? Зачем делать в середине месяца то, что можно отложить на его конец? На самый-самый кончик, когда уже почти совсем свалилось, но еще отчего-то на чем-то, да держится.

Как ни странно, но болезнь Владимира совершенно не вмешивалась в его рабочую жизнь. Похоже, высокие своды Министерства были способны внушить уважение даже Лабиринту.

Владимир сочинял очередное очень нужное письмо, когда в производственный покой ворвался

запоздавший сосед по кабинету и по совместительству его добрый товарищ.

— Вова, я провел прекрасную ночь! — с порога провозгласил Сергей Шилов.

Владимир неопределенно хмыкнул и поздоровался. Прекрасная ночь в интерпретации Шилова могла означать все, что угодно. И страстную женщину, и литры алкоголя, и крепкий здоровый сон, и еще много того, о чем не хотелось даже и думать. Гадать тут было бесполезно, тем более что разгадка уже мчалась к Владимиру, теряя на ходу достоинство и кальсоны.

— Я проснулся в четыре утра, пил чай с коньяком и встречал рассвет!

— Во вторник?

— Просто мне очень хотелось жить, Вова! И кто сказал, что по вторникам жить не стоит?!

— А отсыпаться будешь напротив меня, — подвел итог Владимир.

— Может быть, — не стал спорить Шилов, после чего снял куртку и тут же растекся в своем большом, бесформенном кресле.

— Шеф не заходил? — на всякий случай спросил он.

Владимир выждал необходимую паузу, дождался буйных ростков ужаса в глазах Сергея и только после этого отрицательно покачал головой.

— Жестокие шутки до добра не доведут, Вова, — укоризненно резюмировал Шилов и умиротворенно прикрыл глаза.

Спустя час ситуация не изменилась. Письмо все еще не было готово, а Шилов все так же дремал

в кресле. Владимир потер глаза, поднялся и вышел из кабинета с целью размять ноги и посмотреть на гудящие коридоры Министерства.

Почти сразу же он столкнулся со Светланой. У Светланы было лицо человека, полностью разочарованного в завтрашнем дне. В руках она сжимала толстую папку, а с пухлых губ явно мечтали сорваться проклятья.

— Доброе утро, — нейтрально поздоровался Владимир и кивнул на папку. — Помочь донести?

— Помоги сжечь и развеять! — страстно выдохнула Светлана и пихнула папку прямо в руки Владимира. — Отнеси, пожалуйста, Валере, на шестой, — уже более спокойно попросила она. — Спасибо, Володя.

— Всегда! — кивнул Владимир и понес оказавшуюся на удивление тяжелой папку на шестой этаж, в отдел, который таким папкам был рад, как родным.

На шестом этаже он сдал печальному Валере свой ценный груз и по случаю зашел в соседний кабинет, поздравить с днем рождения прекрасного человека и посредственного работника — Жору Горячева.

Как ни странно, Жора был все еще трезв и оттого беспокоен. Он шумно поблагодарил за поздравление и просил заходить после обеда, дабы предаться скромной оргии в кругу проверенных коллег.

— С удовольствием! — улыбнулся Владимир и уточнил. — Дотерпишь до обеда?

— Какой бестактный вопрос! — возмутился Жора. — Это касается лишь меня и моей преждевременно постаревшей совести.

После того как планы на вторую половину дня полностью определились, Владимир отправился к себе для того, чтобы добить наконец письмо и освободить послеобеденное время.

Подстегиваемый жадой грядущего праздника, Владимир решительно бросил на подготовку письма всю доступную ему фантазию. Через полчаса письмо было готово. Владимир перечитал, подправил и торжественно понес документ на доклад начальству.

Новый, совсем недавно назначенный начальник Владимира был мужик в целом неплохой, но слишком уж увлеченный аппаратными играми. В этой удручающей связи непосредственно на исполнение своих должностных обязанностей у Евгения Павловича Кирсанова оставалось не так уж много времени.

Это в том числе означало, что в вопросах административного выживания Владимир положиться на шефа не мог, что и предопределило их нейтральные, исключительно рабочие отношения.

Владимир зашел к Кирсанову, поздоровался и протянул ему свое чрезвычайно важное письмо. Кирсанов пожал Владимиру руку, взял письмо и погрузился в чтение. Несколько минут глаза начальника бегали по страницам, пока не наткнулись на что-то, выбивающееся из его представлений о добре и зле.

— Что это?! — грозно провозгласил Кирсанов и ткнул пальцем в середину третьей станицы. — Что это, я вас спрашиваю?! — он резко посмотрел на Владимира, нахмурился, но продолжать не стал.

У Владимира был очень специфический взгляд. Холодный, спокойный и совершенно бесстрашный, он всегда крайне смущал начальство всех уровней. Этот взгляд уверенно говорил о том, что следующее неосторожное слово станет причиной незамедлительной дуэли.

И поскольку последствия дуэли были неясны, начальству приходилось неохотно идти на компромисс со своим административным гневом. Разумеется, все это не слишком хорошо отражалось на карьерных перспективах Владимира, но ведь у каждого свои недостатки.

— Это вывод, который основан на последних изменениях в законодательстве, — ровно ответил Владимир. — Я докладывал на прошлой неделе.

— Ну конечно, — тут же уступил Кирсанов, — из головы вылетело. Прошу прощения.

— Бывает, — миролюбиво ответил Владимир.

Он философски относился к капризам руководства и никогда не огорчился после резких слов и гневных речей в свой адрес. Тем более что до сих пор они не перешагивали тот рубеж, когда их можно было считать оскорбительными.

Обедал Владимир в компании Шилова, в уютном кафе рядом с Министерством. Салат, борщ и гуляш. Относительно вкусно и относительно недорого. Вот такая оловянная середина.

— Вова, я начал задумываться о яркости моей жизни, — внезапно сказал Сергей. Он бросил вилку в недоеденный гуляш и уставился на Владимира.

— В смысле пришла пора задернуть занавески? — Владимир не сильно удивился. К подобным беседам он давно привык.

— В смысле — иногда хочется оранжевого, а в наличии только серое.

— Я думаю, с этой проблемой так или иначе встречается каждый.

— И ты?

— И я, разумеется.

— И как же ты эту проблему решал?

— А я не решал, — улыбнулся Владимир. — Мне серое к лицу.

— А мне? — спросил Сергей, совсем уже забыв про гуляш.

— Не оденешь — не узнаешь.

— Ну нет, — Шилов разочарованно покачал головой. — Не хочу я всю жизнь ходить в сером. Пускай даже и буду в нем красив, как черт!

— Думаешь, лучше всю жизнь провести в оранжевом?

— Я про то и говорю, — оживился Шилов. — Хотелось бы почаще переодеваться. Да не во что.

— Ходи голым! — рассмеялся Владимир.

— Шутка твоя, как этот гуляш, — заметил Сергей. — Можно, конечно, и посмеяться. Но только если больше смеяться не над чем.

— Хоть смейся, хоть не смейся, а я прав, — сказал Владимир и отставил пустую тарелку. — Ведь всегда может наступить тот момент, когда ты вспомнишь про этот гуляш и поймешь, что он был прекрасен.

— Только бы не на этой неделе, — вздохнул Шилов. — Эта неделя просто обязана оказаться прекрасной!

— С чего бы?

— Я так решил, Вова, — с легкой грустью ответил Сергей.

Вернувшись с обеда, Владимир без особого интереса почитал новости, проверил почту и обсудил с Сергеем предстоящий футбольный тур. После чего вынул из тумбочки дежурную бутылку коньяка и отправился на шестой этаж, отмечать день рождения Горячева.

— А вот и товарищ Горский! — Жора довольно улыбался, одновременно жуя огромный бутерброд. — Штрафную, Володя! Штрафную!

От штрафной Владимир отказываться не стал, произнес классический тост, выпил и закусил домашним огурцом. После чего вручил Жоре коньяк и сел у края многолюдного стола, возле Надежды Витальевны, красивой и меланхоличной барышни, с которой было так приятно поговорить о ничего не значащей ерунде.

— Наполнить твой бокал, Надежда?

Надежда Витальевна имела обыкновение пить белое вино, а по прошествии второго бокала любила материться мелодичным, хрустальным голосом. Последнее обстоятельство предсказуемо делало ее желанной гостьей любого серьезного праздника.

— Не спрашивай, Володя.

— Не буду.

Больше Владимир не спрашивал, и у Надежды весь вечер было чудесное настроение. Она забыла про очередной неудачный роман, про недоделанный и десять раз проклятый отчет, про сломанный ноготь. Она пила теплое шардоне и нежно, ласково ругалась матом.

— За тебя, Надежда!

— За тебя, Володя!

— А за меня?! — обиженно кричал Жора, и все тут же пили за него.

Изредка в кабинет заглядывали случайные люди, понимающе улыбаясь и плотно прикрывали за собой дверь. Они придут завтра, и не будет у Жоры от них спасения. Но сегодня никто не смел тревожить его скромный, но искренний триумф. Все-таки они в большинстве своем были очень тактичные люди.

Владимир пил мало и пьян не был. А вот Жора и еще пара не слишком знакомых Владимиру коллег брали от этих минут все то небольшое, на что они еще были способны. Коллеги или минуты? Владимир точно не знал, но был уверен, что уж кто-нибудь да способен.

— Ну что? Может, чаю?

Кто-то спросил, кто-то поддержал, никто не отказался. Тут же для всех нашлись кружки, а для некоторых даже и блюдца. Зашипел, забурлил белый, потрепанный чайник. На столе появились маленькие желтые пирожные. Тут же навалились легкая дремота и столь редкое умиротворение.

Владимир охотно принял из заботливых женских рук чашку горячего чая, поставил ее на стол, заглянул внутрь и вздрогнул. Из глубины чашки, из темного чайного омота, ему нагло подмигивал Лабиринт. Он ничего не забыл и по-прежнему жаждал встречи. Когда? Да хотя бы сейчас!

Владимир зажмурился и крепко схватился за край стола. Он чувствовал, как Лабиринт навис

над ним, вопросительно изогнув вороненую бровь. Он звал, тянул к себе за невидимую, но неумолимую цепь. Он не принимал отказа. Он даже не понимал, в чем смысл отказа.

— Володя, передай мне пирожное. Самое сладкое!

Пирожное! Владимир очнулся. Прости, Лабиринт! Как оказалось, в мире есть куда более срочные дела. И куда более приятные.

В течение следующего часа Владимир выпил две кружки чая, съел три пирожных и сказал не меньше десятка комплиментов устало вззирающей на мир Надежде. В конце концов Владимиру стало скучно, и он, еще раз пожелав Жоре всех благ, отправился в свой кабинет.

— Ну как? — без особого интереса спросил Шилов, встречая коллегу в расслабленной позе матерого сибарита.

— Нормально, — усмехнулся Владимир. — Без жертв.

— Чем дальше в жизнь, тем меньше жертв, — с грустью заметил Сергей. — А помнишь, как раньше? Страсть и грязь, боль и счастье. Почему все так быстро прошло? Почему мы стали такими скучными, Вова?

— Это для того, чтобы ты смог встретить свой очередной день рождения.

— Наверное, оно того стоит, — пожал плечами Шилов. — По крайней мере сегодня.

— Даже жаль, что сегодня уже почти закончилось.

Владимир вышел из Министерства. На улице, прясась в дымчатых сумерках, вальяжно наливался

червонным золотом поэт-октябрь. Он снисходительно посылал в лицо стрелы тугого, острого ветра и, слегка прищурившись, навевал смутные образы соколиной охоты и языческих хороводов.

Владимир торопливо шел по устланному падшими листьями тротуару и то и дело посматривал за свое правое плечо. Там, за правым плечом, за ним гнался Лабиринт. Плавно и неотвратно он настигал и уже заранее распахивал свои коридоры для крепких, чудовищных объятий.

Владимир прибавил шаг и на какое-то время оторвался. Он почти бежал, толкая и без того спешащих людей, заставляя посылать ему вдогонку недоуменные, полные укоризны взгляды.

Владимир не извинялся. У него были причины для спешки. У него были причины, чтобы бежать со скоростью человека, который опаздывает на поезд. На поезд, который в свою очередь отходит с опозданием.

Но так быстро Владимир бежать не хотел. И потому он просто упруго шагал по черному асфальту, каждую минуту оборачиваясь и внимательно осматривая пейзаж за своим правым плечом.

— Молодой человек, помогите, пожалуйста!

Владимир с ужасом понял, что призыв благообразной старушки с большой сумкой обращен именно к нему. Владимир очень не хотел сбавлять темп, но воспитание не позволяло проигнорировать законную просьбу о помощи.

Владимир остановился, с улыбкой кивнул и помог старушке поднять тяжелую сумку на двадцать три ступени вверх. После чего с затаенным ужасом

оглянулся и увидел, что Лабиринт снова подобрался слишком близко и уже готовит финальный, гибельный прыжок.

«Нет. Не подходи», — прошептал Владимир и, не глядя, бросился прочь от страшного, темного призрака за спиной.

Его ноги срывались в тяжелый, медленный бег, губы шептали проклятия, а глаза искали свет, который легким, взволнованным жестом спасет от наступающей тьмы.

Но единственный свет, который он увидел, был красный сигнал светофора, говорящий о том, что, пожалуй, не стоит так уж торопиться. Минутку-другую можно и постоять, подумать, оценить ситуацию. Покрутить головой, посмотреть, с кем свела тебя судьба на эти краткие мгновения.

Владимир стоял, думал, вертел головой и изо всех сил заставлял себя не оборачиваться через правое плечо. Он очень надеялся, что Лабиринту хватит такта постоять на светофоре вместе с ним. Еще полминуты потерпеть, поскучать, потоптаться на месте. Еще десять секунд. Пять. Пора!

Загорелся зеленый, и Владимир тут же рванулся с места, с удовлетворением заметив, что Лабиринт замешкался, замечтался и безнадежно отстал уже на старте.

— Счастливо, — с сумрачным весельем прошептал Владимир и ускорил и без того суетливый шаг.

Лабиринт нагнал его через пять минут, но в это время Владимир уже нырнул в пропасть метрополитена и намертво смешался с толпой. Перепрыгивая

через ступеньки, он сбежал по эскалатору и успел ворваться в последнюю дверь последнего вагона. Поезд тронулся, а Лабиринт остался. Владимир зло-радно помахал ему рукой. Владимир забыл, что Лабиринт знает, где он живет.

Они встретились возле самого дома, под красными кленами, у старой, поломанной скамейки. Владимир сделал вид, что сдался, а потом бросился прочь в серый узкий переулок. Продрался сквозь тесно стоящий строй машин, пронесся по детской площадке, забежал за угол соседнего дома и только потом осторожно оглянулся. Лабиринта нигде не было.

— Все нормально, — тихо сказал Владимир и дежурным усилием воли заставил отступить скалящую зубы панику. — Все нормально.

Затравленно оглядываясь, он по стенке пробрался в свой подъезд, не дожидаясь лифта, взбежал на седьмой этаж, вошел в квартиру и резко захлопнул дверь. Разделся и пошел на кухню готовить нехитрый ужин.

— Все нормально, — снова повторил он, бросая в кипящую кастрюлю желтые, симпатичные макароны.

Макароны массово гибли в бурлящей воде, в то время как Владимир безучастно взирал на их мучения. Владимир очень не хотел оборачиваться. Он знал, что, несмотря на запутанный след и крепко закрытую дверь, Лабиринт найдет способ пробраться внутрь квартиры, а потом и внутрь него самого.

Он знал, но до последнего не желал верить, что Лабиринт пройдет сквозь сто дверей, сто замков,

триста защитных кругов. Он знал, что Лабиринт уже прошел их все и теперь стоит за его правым плечом. Пристально смотрит на макароны, не желая, чтобы они переварились.

Наконец макароны были готовы. Владимир с грустной улыбкой выключил плиту, повернулся и вошел в Лабиринт.

— Давно не виделись! — с досадой и страхом сказал Владимир в темноту.

Лабиринт ответил ожидаемым молчанием. Несколько секунд Владимир напряженно слушал тишину, потом тяжело вздохнул и пошел вперед. Пошел привычной, пугающей дорогой.